

Запорозькі вибори в порядки половини XVIII в.

По сучасним описанням *).

Послѣ возвращенія запорожцевъ изъ Турціи въ подданство Россіи въ 1734 г., кіевскій генераль-губернаторъ, за посредствомъ котораго велись переговори о принятіи, ставовится „главнымъ ихъ командиромъ“, какъ называютъ его указы того времени. Порядокъ внутренняго самоуправленія запорожцевъ не тронуть былъ ни сколько, но посредство генераль-губернатора требовалось для представленія всеподданиѣйшихъ ихъ просьбъ и жалобъ, для объявленія имъ высочайшей воли, въ особенности-же для виѣшняго представительства по пограничнымъ отношеніямъ Запорожя къ Турціи и Польшѣ. Для ближайшаго наблюденія за дѣйствіями Коша, въ средѣ самой Сѣчи былъ устроенъ ново-сѣченскій ретрашаментъ съ командиромъ изъ русскихъ офицеровъ, а для разбора поземельныхъ споровъ съ ихъ сосѣдами и взаимныхъ жалобъ, особенно участившихся съ 1744 г., генераль-губернаторъ посылалъ въ запорожскую Сѣчь особыхъ офицеровъ, кромѣ упомянутаго командира.

Благоволившаго къ запорожцамъ и способствовавшаго ихъ переходу въ Россію барона Вейбаха смѣнили генераль-губернаторъ Леонтьевъ, который питалъ къ нимъ особое нерасположеніе и постоянно хлопоталъ предъ выснимъ правительствомъ объ отміненіи ихъ самоуправленія. Безспорно Запорожье составляло самую хлопотливую для него „команду“, а для посылаемыхъ имъ туда офицеровъ поѣздки эти были самыми тягостными командировками: запорожскіе порядки представлялись имъ крайне уродливыми во всѣхъ

*) Матеріаломъ для настоящей замѣтки послужили два «дѣла» бывшей ген. губ. канцеляріи, найденныя въ растрелянномъ видѣ, безъ начала и конца, въ архивѣ кіев. губ. правленія. — А. А.

отношеніяхъ, а потому вопросъ о заведеніи „лучшихъ порядковъ“, „о прекращеніи свосвольствъ“ не сходитъ у нихъ съ языка.

По поводу частыхъ жалобъ на запорожцевъ со стороны турецкихъ властей, ген. губ. Леонтьевъ нѣсколько разъ въ теченіи 1742 и 1743 г. обращался въ пр. сенатъ съ донесеніями о „свособольствахъ“ запорожцевъ, заявляя, что „ежели воровство и свособольство ихъ запорожское пресѣчено не будетъ, то могутъ важныя причины послѣдовать“. Правительствующій сенатъ, предписывая Леонтьеву для отвращенія запорожскихъ „свособольныхъ поступковъ“ самому „пристойные способы изыскивать и употреблять“, потребовала наконецъ отъ него мнѣнія о томъ, какія онъ съ своей стороны „лучшія учрежденія объ нихъ учинить разсуждастъ“. Въ отвѣтъ на это Леонтьевъ въ 1744 г., сообщая цѣлый рядъ новыхъ жалобъ на запорожцевъ, для разбирательства которыхъ отправлялся въ Сѣчь подполковникъ Глѣбовъ, и обвиняя Кошевыхъ въ сочувствіи и потакательствѣ набѣгамъ и грабежамъ запорожцевъ, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ исключительно къ ограниченію запорожскаго самоуправленія. Въмѣсто обычнаго избранія Кошевого всеобщей подачей голосовъ, онъ рекомендуетъ выборъ онаго возложить на „надежнаго и искуснаго штабъ-офицера“, при участіи старшинъ, куренныхъ атамановъ и лучшихъ козаковъ отъ трехъ до четырехъ съ куреня, назначеніе къ Кошевому писаря изъ опытныхъ канцеляристовъ войсковой генеральной канцеляріи и опредѣленія къ Кошевому-же особаго офицера, который-бы его по присылаемымъ указамъ и ордерамъ „исполненіе чинить принуждалъ“. Относительно куренныхъ атамановъ генераль-губернаторъ допускаетъ свободный козачій выборъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ утверждался все-таки особыми указами и на куренныхъ лежала-бы обязанность главнымъ образомъ полицейская и исправное веденіе списковъ козаковъ, а также ежемѣсячные репорты Кошевому о наличныхъ и отлучныхъ козакахъ. Но, рекомендуя такой порядокъ, генераль-губернаторъ и самъ не надѣялся на возможность скорого и безпрепятственнаго его осуществленія и рекомендовалъ соблюсти въ этомъ дѣлѣ нѣкоторую постепенность, „дабы запорожцевъ, привыкшихъ къ свособольству и легкомыслію, единожды вовсе не озлобить и въ сумнѣніе не привести, и не дать имъ повода говорить: чего де изстари не бывало, а нынѣ регуль вводить стали“.

Правительствующій сенатъ не призналъ проэктовъ Леонтьева своевременными и полезными и велѣлъ ему къ воздержанію запорожцевъ отъ „своевольствъ“ изыскивать „пристойные способы“. Между тѣмъ пограничныя споры и ссоры между татарами и запорожцами усиливались и привели въ концѣ 1748 г. къ учрежденію смѣшанной слѣдственной комиссіи, въ которую, въ качествѣ депутата со стороны русскаго правительства, былъ назначенъ Леонтьевымъ секундъ-маіоръ Александръ Никифоровъ. Этому-то русскому депутату и обязаны мы тѣмъ любопытнымъ документомъ, съ которымъ хотимъ познакомить нашихъ читателей.

И не буду здѣсь касаться самаго слѣдствія¹⁾, въ которомъ пришлось участвовать Никифорову, ли тѣхъ пограничныхъ отношеній, съ которыми оно могло-бы насъ познакомить, имѣя въ виду лишь оставленное нашимъ депутатомъ описаніе внутреннихъ порядковъ въ Сѣчи запорожской, которые онъ имѣлъ случай наблюдать. Но прежде слова два о томъ, при какихъ обстоятельствахъ составлено это описаніе и что послужило поводомъ къ представленію онаго по начальству.

¹⁾ Объ этомъ слѣдствіи имѣются свѣдѣнія въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго (см. 2 изд. 1846 г., ч. II, стр. 150—158) не совсѣмъ точныя. Въ запорожскомъ архивѣ, драгонѣвскій матеріалъ котораго остается до сихъ поръ неизданнымъ, г. Скальковскій нашелъ объ этомъ слѣдствіи очевидно неофіціальныя документа, озаглавленный такъ: «Журналъ всѣхъ разговоровъ п преній комисіи» — и напечаталъ его почти цѣлкомъ въ 1841 г. въ статьѣ своей «Споменія Запорожскія съ Крымомъ», ставшей теперь бібліографическою рѣдкостью. Но не видно, чтобы у него были въ рукахъ самыя жалобы татарскія, представленные Леонтьеву и возбудившія слѣдствіе. Подлинники татарскихъ писемъ сохранились (частію) въ томъ разбитомъ «дѣлѣ», о которомъ мы выше упомянули и которое представляетъ значительную часть всего слѣдственнаго производства. Укажу здѣсь лишь на немногія неточности извѣстій г. Скальковскаго объ этой комисіи и противорѣчія тѣмъ несомнѣннымъ указаніямъ, какія найдены мною въ упомянутомъ «дѣлѣ». Г. Скальковскій говоритъ лишь о претензіяхъ крымскаго хана, тогда какъ одновременно предъявлены были п особыя претензіи буджацкаго сераскерь-султана, отъ котораго п депутаты въ сказанную комисію прибыли равнѣе. Кромѣ того г. Скальковскій говоритъ, что секундъ-маіоръ Никифоровъ прибылъ въ Сѣчь въ мартѣ мѣсяцѣ 1749 г., а крымскіе депутаты 8-го апрѣля того-же года, тогда какъ изъ подлинныхъ репортовъ Никифорова видно, что самъ онъ прибылъ въ Сѣчь 22 декабря 1748 г., а крымскіе депутаты 4-го мая слѣдующаго года, дѣйстви-же слѣдственной комисіи открылись 25 мая.

Въ комисію, въ которую былъ назначенъ Никифоровъ, онъ прибылъ очень рано, именно 22 декабря 1748 г., тогда какъ уполномоченные крымскаго хана и буджацкаго сераскерь-султана явились лишь въ маѣ слѣдующаго года. Ему приходилось ждать въ Сѣчи болѣе 4-хъ мѣсяцевъ: донося Леонтьеву о своемъ прибытіи въ Сѣчь, Никифоровъ жаловался на продолжительность и трудность пути, на томительность ожиданія, на неудобства жизни въ дикомъ почти мѣстѣ, надѣясь вѣроятно разжалобить начальство и избавиться отъ тягостной комисіи; но въ отвѣтъ на это Леонтьевъ прислалъ ему рѣзкій и „кусательный“ выговоръ, называя его жалобы „бреднями, прихотами и курьезными церемоніями“ и предписывая исполнять то, что указано ему инструкціею.

Чтобы не „праздно время препровождать“ и поправить дурное впечатлѣніе, произведенное неудачнымъ репортомъ, Никифоровъ сталъ присматриваться къ сѣчевымъ распорядкамъ, крайне ненавистнымъ Леонтьеву, и строчить о нихъ донесенія, которыя впрочемъ могли быть и прямо поручены ему инструкціею ¹⁾. Въ помощь ему всталъ войсковой писарь Петръ Черпявскій, помогавшій ему въ составленіи *Описанія*, а можетъ быть и самъ настрочившій оное, какъ можно будетъ заключать изъ послѣдующаго. Никифорову, выросшему въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, запорожская вольница и неограниченная свобода выборовъ не могли иначе представляться, какъ верхомъ своеволія, безсмыслицы и безобразія, потому въ описаніи происходившихъ при немъ выборовъ не проглянула ни одна свѣтлая черта, а въ предшествовавшихъ донесеніяхъ онъ со всею силою настаиваетъ на отмініи выборовъ въ Запорожьѣ и подчиненіи его строгимъ регуламъ. Вѣрность такихъ убѣжденій, казалось ему, раздѣляла сама козацкая старшина, которая по секрету открывалась будто предъ нимъ въ своемъ за-

¹⁾ Вообще какъ бывшій въ Сѣчи офицеръ, такъ и послышавшійся туда нарочно, поручалось нѣкоторое согладателство за дѣйствіями сѣчевой старшины, и о ней они сообщали свои аттестаціи. Мнѣ встрѣтилось особое дѣло 1747 г., такъ озаглавленное: «О развѣдываніи объ учрежденіи на мѣсто бывшаго войска запорожскаго Кошевого атамана Василія Григорева Кошевожь-же атаманъ Павлѣ Козелецкомъ, какого онъ состоянія». Развѣдываніе, производившееся по порученію того-же Леонтьева, на основаніи указа прав. совета, кончилось въ пользу Козелецкаго.

вѣтномъ желаніи, „чтобъ какъ Кошевой атаманъ, такъ и судья, жалованы были отъ ея императорскаго величества или отъ правительствующаго сената, а куренные атаманы отъ высокаго генералитета, и чтобъ таковой былъ порядокъ, какъ въ войскѣ донскомъ“. Понятно, что, вращаясь, какъ и изъ его репортовъ видно, въ кругу нѣсколькихъ недовольныхъ старшинъ, во главѣ которыхъ стоитъ темная личность писаря Чернявскаго, Никифоровъ все слышанное отъ нихъ не только на вѣру припималъ, но и обобщалъ, а историческій духъ общины былъ настолько выше его разумѣнія, насколько собственное его довѣріе превышало искренность бесѣдовавшихъ съ нимъ, которые не могли иначе и представить почтеннаго секундъ-маіора, какъ только въ роли развѣдчика. Самъ-же Никифоровъ въ своихъ репортахъ къ генераль-губернатору всегда выдѣлялъ своихъ „почетнѣйшихъ“ собесѣдниковъ, завѣряя его, что „во ономъ войскѣ запорожскомъ, кромѣ вышедонсенныхъ людей, другіе добросовѣстные едвали найдутся“. Все это мы сочли необходимымъ сказать для опредѣленія значенія того описанія, которое Никифоровъ приложилъ къ репорту своему отъ 11-го января „для единого извѣстія“. Вотъ текстъ этого интереснаго описанія.

Описаніе о происшедшемъ въ Сѣчи запорожской выборъ въ кошевые атаманы, въ судьи, писари и эсаулы, такожъ и въ разныя мѣста изъ полковники, обыкновенно въ новомъ годѣ, сего 1749 года января 1-го дня, и до того числа что происходило и при томъ по илѣ обычаю что слѣдовало, значитъ у сего.

Къ празднику Рождества Христова находящіеся по стенамъ и рыбнымъ ловлямъ изъ зимовниковъ казаки съѣхались въ Сѣчь, числомъ которыхъ изъ живущими въ Сѣчи болѣе не превосходило какъ до пяти тысячъ, между которыми по большей части были презрѣльные пьянцы, изъ людей по здѣшнему называемые *сиромати*, не имѣющіе у себя не точію лошадей или какого скота, но ниже на плечахъ платья, и чрезъ зиму валяются въ куреняхъ до весенята времени.

Въ оной праздникъ Рождества Христова, по отелупаніи божественной литургіи, всѣ разошлись по куренямъ, а послѣ обѣда Кошевой атаманъ Акимъ Игнатовичъ долженъ былъ купленное вино въ трехъ бочкахъ, по цѣнѣ на сто пять рублей, для приласканія казаковъ роздать въ курени по равному числу, а сверхъ того непрерывно приходящихъ къ нему поилъ виномъ-же и медомъ. То-жъ чинили судья Никита Сан-

бика и войсковый писарь Андрей Мвргородскій съ нѣкоторою противъ Кошевого отамана убавкою, и такимъ образомъ продолжалось даже до перваго числа генваря; толь найпаче сиромахи находились въ безпрерывномъ пьянствѣ, чпня при томъ неописанное своевольство и старымъ и умнымъ козакамъ безпокойство и явное оскорбленіе, отъ коего угощены не были. Ибо сей выборъ въ старшины не отъ старыхъ и умныхъ людей и не отъ куренныхъ атамановъ зависитъ, но отъ упоминаемыхъ сиромахъ. А незадолго до того онъ, Кошевой, по согласію съ судьей, съ виномъ погребѣ, дабы пьяницъ и своевольниковъ не умножилось, запечаталъ, яко-же въ оный день праздничный два человѣка изъ козаковъ отъ вина померли.

Помянутые сиромахи, или, во prostu сказать, пьяницы и плуты, когда у нихъ во всю ту недѣлю пьянство продолжалось, между собой соглашались тайно, кого въ кошевые отаманы, въ судьи, въ писаря, въ эсаулы, въ доубиши или литаврички и пушкарни выбрать.

Въ день 1-го сего генваря по отслушаніи божественной литургии Кошевой и куренные отаманы, также и значные козаки и вся чернь разошлись по куренимъ и за городомъ по дворамъ.

Вскороги послѣ того лежащій въ церкви прапоръ или знамя (ибо по ихъ обычаю какъ клейноды, такъ бунчуки и знамена въ церкви хранятся) вынесено на дворъ и поставленно близь трапезныхъ дверей, да къ тому припесены литавры и какъ сіе скоро поставлено, тогда Кошевой атаманъ и войсковою судья, взявъ жалованныя, длинныя и серебряномъ оправленныя трости, да онъ же, Кошевой, притомъ съ собою взявъ войсковую печать, а писарь войсковую большую серебрянную чернильницу, эсаулъ простую палку безъ всякой оправы, изъ жилищъ своихъ вышли и пришедъ къ прапору, постановились въ одинъ рядъ по старшинству своихъ чиновъ, снявъ шапки; а куренные отаманы становились, зачиная правый флангъ отъ Кошевого и такимъ порядкомъ кругомъ и лѣвый флангъ примыкаеть къ войсковому эсаулу, безъ шапокъ-же. Вся чернь, въ презрѣльномъ будучи пьянствѣ, числомъ наиболѣе трехъ тысячъ, стояла за куренными отаманами и кругомъ церкви, такъ что въ ихъ городѣ другимъ вмѣститься было невозможно, за чѣмъ немалое-жъ число сидѣли поверхъ куреней и на колокольнѣ, а иные стояли по валу и по рѣкѣ.

Какъ скоро все собралось, тогда метали жеребьи, написанные на малыхъ прылкахъ о рѣчкахъ и озерахъ, которые рыбною ловлею на который курень достанутся. Сіе такимъ образомъ слѣдовало: номинутый войсковою писарь заблаговременно все рыбнымъ ловли по числу куреней росписалъ по прылкамъ и тогда, положи все вдругъ въ шапку, трусилъ,

а куренные отаманы одинъ по одному разобрали, означенный-же писарь тѣ лрлыки всѣ вслухъ прочелъ, за что куренные отаманы, поблагодаря, разошлись по своимъ куренямъ, или кто куда хотѣлъ.

Какъ скоро помянутые отаманы разошлись, тогда, ради наибольшаго собранія козаковъ, довшишь или литавричь биль на лятаврахъ, къ чему еще много съѣхалось, таѣ что многимъ не токмо чего слышать, но ниже того видѣть можно было.

По прибытіи того сбора, Кошевой отаманъ, судья, писарь и эсаулъ всему войску запорожскому на всѣ стороны кланялись и громкимъ голосомъ благодарили за начальство.

Сія вышеписанная чернь, выслушавъ сіе, закричали весьма громко, всякій своимъ голосомъ, и нѣкоторые, брани оную старшину свверными и непотребными словами, говорилъ, что надобно ихъ скинуть, упоминая при томъ, что де козачьего хлѣба уже наѣлись, и кричали-же «положи» (сіе «положи» значитъ тако: когда уже старшину съ общаго согласіи лишать того достоинства, тогда Кошевой, судья и эсаулъ повинны шапки свои положить на землю, а поверхъ того вышеупомянутыя жалованныя трости и печати, а писарь чернильницу, а послѣ, взявъ тѣ шапки, убѣгаютъ въ куреня или куда далѣе скрываются, дабы убить не могли). Прочіе-же, по большей части держачіе партію Кошевого отамана, кричали, что быть сему Кошевому и писарю, полагаи на ихъ главы песокъ в землю, а пныи и за волосы тгнули, говори: будьте, паны, здоровы и *сырны*, противники-жъ тому выбору вступили въ драку, которую жестоко и на долгій часъ производили, а Кошевого и писаря прижали къ церкви, отчего они едва не померли. Наконецъ-же судью Никиту Санбика лиша того чина, выбрали другого: титоровскаго куреня Василя Богацько, да въ эсаулы васюрнискаго куреня изъ простыхъ козаковъ Петра Давида, а прежняго прогнали кулачьемъ, да въ полковники въ Гардъ, въ Колміусъ, въ Кайдакъ и въ протчія мѣста которыхъ надлежало пять человекъ, по вмѣсто того двадцать человекъ избрали, стараяся всякій отъ своего куреня въ таковыи чины удостоить, чины при томъ между собой жестокия драки и наконецъ, взявъ кошевого отамана, судью, писаря и эсаула, также и полковниковъ. вели въ комору кошевого отамана съ такою порядочною честью: они за волосы тгнули, а они по бокамъ кулачьемъ и пинками били и такъ едва живыхъ до того мѣста довели и не оставили одного ребра, чтобъ которое помято не было. И вошедъ онъ, Кошевой, съ помянутою старшиною въ свою комору, заперся и никого болѣе не пуствялъ, и такъ до самаго вечера, пребывая тамъ, отдыхали.

Сія-жъ предрѣченная чернь разошлась по куренямъ и за городокъ по дворамъ и на счетъ вновь избраннаго судьи брали изъ одного шипка

вино котлами, коновезами, ведрами и горшками, коего розобрано на немалыя девьги, и такъ веселились чрезъ всю ночь, чиня между собою согласно, чтобъ и завтрашній день выбранную 1-го дня генваря старшину лишити, а другую избрать и нѣкоторый бунтъ учинити, о комъ ниже сего послѣдуетъ.

Генваря 2-го числа поутру рано рѣченная чернь, будучи вѣдъ городка, чинили выборъ въ пушкарни при пушкарской коморѣ, гдѣ и стояли прибывшіе турки и татары, съ превеликимъ-же крикомъ и дракою, однако по несогласію никого выбрать не могли, а во весь день находились въ пьянствѣ и бродили какъ-бы безумные; прочіе-же востопинные и зажиточные люди, конъ въ Сѣчь для смотрѣнія прїѣзжали, разтѣхались въ своя земовики.

Въ самой скорости по отслуженіи вечерни вся та чернь, вливъ изъ церкви литавры (конъ для того положены были, дабы своевольники бьючи тревоги не учинили) вмѣсто палокъ полѣньемъ били сборъ, къ чему всѣ тѣ голые собравшися и поймавъ одного бывшего предъ нѣкоторымъ временемъ судью Ивана Водолагу въ судьи-же, а въ эсаулы одного пьянаго козака, не нмуцаго на себѣ одежды. И въ самый тотъ шумъ выбранные въ первый день генваря писарь Миргородскій, который и до сего писаремъ-же былъ, судья Богацько, эсаулъ Давыдъ сошлись къ Кошевому въ комору и сидѣли запершися, будучи въ превеликомъ страхѣ, дабы убиты не были. Однако отъ тѣхъ выборщиковъ немалая часть, прибѣжавъ къ Кошевому, просилъ, дабы онъ поотмѣнно на ихъ раду шелъ, который по необходимости и крайне опечалився, взявъ по ихъ обычаю войсковую печать и церемоніальную трость, а таковую-жъ и судѣ давъ, пошли на раду. И какъ онъ Кошевой съ судьею и эсауломъ къ церкви выступили, тогда тѣ всѣ сиромахи, бросившися къ нему, возвратили въ его покои съ такою-же честью, какъ выше упомянуто, говоря при томъ, что ты нашъ батько и будь намъ на здоровье и до тебе введемъ вновь выбранныхъ судью и эсаула, о конхъ уже выше упоминается, и такъ оныя, пришедши въ покои заперлись, а у прежняго судьи Богацько трость, а у эсаула обыкновенную палку огнявъ, прогнали.

Оныя-жъ сиромахи или чернь, какъ имѣли до сего согласіе и потому при семъ случаѣ намѣрены были свои мѣры самымъ дѣйствіемъ показати, чтобъ живущихъ за городкомъ ихъ-же запорожскихъ козаковъ, всѣми потребностями торгующихъ, тако-жъ котляровъ, кузнецовъ, пушкарей, шинзарей, тожъ великороссійскихъ и малороссійскихъ людей, грековъ и армянъ, для торгу здѣсь пребывающихъ, разбить и разогнати, а лавки отбивъ, всѣ лежащіе деньги и товары растащити, а напитки

изъ бочекъ выпустить. И къ тому охотно со всякою скоростью изъ городка начали выбѣгать было, таща съ собою литавры, и въ оныя били сборъ, дабы охотниковъ сбиралось; къ чему нѣкоторые два человѣка куренные отаманы тѣхъ спромахъ поощрили, да и сами между ими замѣшались.

Какъ скоро базарные о такомъ бунтѣ провѣдали, тогда, ради защищенія себя и недопущенія до разоренія, тотчасъ собрались съ ружьемъ и дубьемъ до четырехъ сотъ человѣкъ и оныхъ буквовщиковъ, не допуская ихъ до намѣреннаго дѣла, встрѣтили при самой колокольнѣ (которая стоитъ надъ самымъ ровомъ и служитъ за башню) и вонь изъ городка въ форштатъ не выпустили; а хотя нѣкоторые оттуда и выбѣжали, оныхъ били дубьемъ смертельно, причемъ и изъ оныхъ куренныхъ отамановъ одного били немилосердно. И такъ между ними происходила суетная драка, шибая изъ стороны въ сторону полѣньемъ, а спромахи, видя озорность базарныхъ людей, принуждены были надъ колокольнею ворота запереть, а означенные базарные, опасаясь нападенія, принуждены чрезъ всю ночь не спать и при самыхъ воротахъ и при нужныхъ проходахъ стоять съ дрекольемъ. Кошевой атаманъ въ самое то время съ судьей, писаремъ и эсауломъ, сидя въ своей коморѣ, чрезъ посланныхъ отъ себя служителей, всячески трудились, дабы куренные отаманы, всякій своего куреня, старались спромахъ отъ такого бунта отвратить, а сами для того изъ коморы выйти опасались; почему нѣкоторые старые и умные отаманы, слушаясь того повелѣнія, своихъ подчиненныхъ отъ злаго намѣренія битьемъ палками и всякимъ увѣщаніемъ отарачили.

Въ день 3-го генваря, по отслушаніи божественной литургіи, Кошевой атаманъ Акимъ Игнатовичъ учинилъ куреннымъ отаманамъ сходку и о вчерашнемъ зломъ спромаховомъ предпріятіи имъ отаманамъ напоминать и увѣщевать, дабы своевольниковъ унимали и таковыхъ въ куреняхъ огнюдь не держали, упоминая при томъ, что таковое дѣло, чего сначала Запорожьи не бывало, какъ въ началѣ Всевышнему, такъ и ея императорскому величеству и высокому генералитету и всему государству великая противность и предосужденіе войску запорожескому.

А при той сходкѣ, по единогласному совѣту, положили быть судѣ прежде выбранному Богачкѣ, эсаулу Петру Давыду, а прочимъ нижнимъ чинамъ всѣмъ быть прежнихъ, кои до сего были.

По окончаніи того разошлись всѣ по своимъ куренямъ и такъ, по благодати Божеской, тотъ день прошелъ безъ всякаго мятежа и пьяныхъ рѣдко было, понеже Кошевой атаманъ во всѣхъ шинкахъ винную продажу запретилъ.

Выше мы высказали предположеніе, что въ составленіи этого описанія Никифорову помогать, а можетъ быть и самое описаніе сосрѣпать, войсковой писарь Петръ Чернявскій, который видно больше другихъ сблизился съ Никифоровымъ. На эту мысль навела насъ найденная нами въ разнообразныхъ бумагахъ обширная секретная записка Чернявскаго на высочайшее имя, которую онъ въ октябрѣ 1749 г. изготовилъ и препроводилъ къ генераль-губернатору вѣроятно черезъ того-же секундъ-маіора Никифорова. Въ ней Чернявскій главнымъ образомъ распространяется на ту же тему о преимуществахъ „безперемѣннаго Кошеваго атамана“ и въ этомъ одномъ видитъ спасеніе отъ всѣхъ происходящихъ непорядковъ и хотя не думаетъ, какъ Никифоровъ, что предлагаемое уничтоженіе выборнаго начала „безъ всякаго отъ козаковъ препятствія легко учинить возможно“, но тѣмъ не менѣе увѣряетъ, что такой перемѣны желаютъ будто-бы *старши*, которые якобы поручали ему уже въ такомъ смыслѣ и прошеніе написать, а судья „въ знакъ закрѣпы того прошенія“ и войсковую печать было отдалъ ему, но убоялись безъ особой высочайшей грамоты сдѣлать это, — „многого страха ради отъ того подлого народа, что можетъ всимъ тѣмъ, кои будутъ въ томъ совѣтѣ, послѣдовать смертное убивство и великое и всевародное смятеніе“. Вотъ тотъ пунктъ записки, въ которомъ Чернявскій изображаетъ обычный порядокъ выборовъ весьма сходно съ описаніемъ Никифорова.

«Въ Запорожской Сѣчи при войсковомъ Кошу, во время выбору въ Кошовые и въ протчую старшину, соберутся изъ всѣхъ мѣсть и изъ степей запорожскихъ и изъ куреней множество народу. Изъ нихъ хотя сойдутся по старымъ своимъ обычаямъ и добрые во заслужилъ козаки, но только по большей части подлой народъ въ радѣ войсковой находится, и кто таковымъ подлому народу, по ихъ надобности, имъ чинить волю и въ разбояхъ и воровствахъ и въ протчихъ самовольствахъ позволеніе, объ оныхъ собрався съ таковыми непостоянными людьми усилно, не слушая заслуженныхъ и добрыхъ козаковъ, къ тому выбору глосую съ великимъ крикомъ и въ безмѣрномъ пылствѣ взять, это имъ по ихъ прихотямъ надобеть, ведутъ къ постановленію въ старшины, а тѣхъ добрыхъ и заслуженныхъ козаковъ, напавъ на ихъ и на приведенныхъ ими въ Кошевые и въ протчую старшину добросовѣстныхъ людей, чтобъ имъ таковые не чинили въ воровствѣ и въ разбоѣ прештствія, которое злодѣйство отъ онаго подлаго народу при такомъ-же

выбраніи въ радѣ и оказалось въ прошломъ 1739 г. (выбраннаго въ Кошевые атамана Якова Тукала убили до смерти), почему и въ нынѣшнихъ временахъ о такихъ достойныхъ выбираемыхъ въ Кошевые и протчую старшину съ великою дракой неремога всячески отъ тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ постановленіе бываетъ, но точію болѣе по ихъ подлого народа упорству чинится хотѣнію; и притомъ выборѣ великія страженія курень съ куренемъ имѣють, а паче тѣ злодѣи, согласясь для своего въ воровствѣ угодія между собой, и тѣхъ добросовѣстныхъ козаковъ, кои хотять выбирать достойныхъ въ старшину, нѣсколько до смерти убиваютъ, а кои, хотя и не до смерти убиты, но и тѣ отъ такихъ побоевъ лежавъ нѣсколько времени, номирають-же; и при тихъ частыхъ выборахъ народу весьма множество отъ того пропадаетъ, а знатные и заслуженные старики отъ того выбору не тако уже, како въ древнія времена бывало, что при такихъ выборахъ они въ первенствѣ находились, но и убѣжавъ въ незнакомыя мѣста или запершись въ то время въ коморы, гдѣ-бъ ихъ и сыскать не могли, страха ради въ такомъ смертномъ убивствѣ и мятехѣ, убѣгаютъ. Въ прошломъ 1749 г. при выборѣ въ Кошевые атаманъ и въ протчую старшину великое и богомерзкое учинили смятеніе такимъ случаемъ: какъ оне подлой и подозрительной народъ не могъ упрямствомъ своимъ усилство учинить, что не по ихъ хотѣнію постановили въ Кошевые и въ протчую старшину, которая старшина по выборѣ того-жъ числа въ подлежація свои въ здѣланныхъ въ церквѣ Божіей особливыхъ для старшинъ мѣстахъ во время службы Божіей въ вечернемъ пѣніи установились, въ то время тотъ подлой и подозрительный народъ, забывъ страхъ Божій, съ превеликимъ крикомъ гнупли и, ворвався въ ту церковь Божію, вытаскивъ изъ мѣста за волосы новую старшину, кричавъ сквернія слова, учали бить и драть немилостиво и между собой въ той церкви въ кровь передрались и перебились едва не до смерти и учинили то, что желали, по своему хотѣнію, чего ради принужденъ былъ служащій въ то время священникъ оставить и службу Божію, отъ котораго мятежа и кровопролитія, даже пока она освятилась, была нѣсколько времени безъ службы Божіей.

Представляя свою записку, Чернявскій просить, чтобы какъ записка, такъ и его имя сохранены были въ величайшемъ секретѣ, дабы запорожцы, узнавъ объ этомъ, „не предали его и прочихъ старшинъ смертному убивству, если-жъ удержать секретъ невозможно, то повелѣно было-бы его, Чернявскаго, по особливому указу, яко-бы для знатнаго секрету, въ Кіевъ или другое мѣсто взять“.

Это обстоятельство, а равно и цѣлый ряд писемъ Чернявскаго къ подполковнику Алексѣю Глѣбову, которыя находятся въ разсмотрѣнномъ мною „дѣлѣ“ и въ которыхъ Чернявскій, греша за свою судьбу, старается что-либо знать о судьбѣ записки, обличаютъ лживость его увѣреній, будто сама старшина добивалась проэктированныхъ имъ перемѣлъ и певольпо подрываютъ довѣріе къ вѣрности нарисованной Никифоровымъ и Чернявскимъ картины выборовъ въ Запорожѣ. Въ подтвержденіе этого можно указать на тотъ фактъ, что когда генераль-губернаторъ Леонтьевъ, внявъ донесеніямъ Никифорова и Чернявскаго и возбужденный начерченными ими картинами запорожскихъ безобразій, вновь представилъ правительствующему сенату объ учрежденіи въ Запорожѣ войсковои старшинамъ по назначенію, то получилъ слѣдующій отвѣтъ въ сенатскомъ указѣ 29 мая 1749 года: „понеже такой порядокъ учредить правительствующій сенатъ, по извѣстному ихъ запорожцевъ непостоянному праву и противъ ихъ древняго обыкновенія, весьма за невозможное и съ высочайшими ея императорскаго величества интересами не сходное быть признавать, и для того-бъ вышѣ оного не чинить и впредь о томъ въ правительствующій сенатъ не писать и тѣмъ напрасно не утруждать“.

Не угомоллялся и послѣ этого ни Леонтьевъ, ни Чернявскій, добываясь отъ себя самоуправленія Запорожья и рисуя оное самими черными красками. Первый пустилъ въ ходъ извѣстную уже записку Чернявскаго, приложивъ къ ней опять свое мнѣніе, мало чѣмъ отличавшееся отъ прежнихъ, а послѣдній вновь составилъ на высочайшее-же имя и отправилъ къ Леонтьеву столь-же обширную записку, въ которой оставилъ намъ слѣдующую краткую замѣтку о произошедшихъ въ 1750 году запорожскихъ выборахъ:

«Сего 1750 г. генваря въ 1-й день въ Сѣчи Запорожекой при войсковомъ Кошу былъ въ кошевые и въ прочую старшину выборы, и тогда, съѣхавшись со степовъ, подлой и злодѣйственной народъ бывшего кошевого отамаана Якима Малого, съ рангу отставивъ, въ смерть убить намѣревали за то, что онъ Малый, по высочайшимъ ея императорскаго величества указамъ, за чинимыя ими предерзости безъ успѣхенія штрафовать, и егда бы добрые козаки не оборонили, то-бъ всеконечно отъ нихъ, злодѣйственнаго и безсовѣстнаго народа, убить былъ. На мѣсто-же его Кошевымъ (хотя и не лежало) Василій Сычъ опредѣленъ».

Не смотря однако на всё эти страхи и ужасы, которые такъ краспорѣчиво изображали секунд-майоръ Нлкіѳоровъ и первый изъ „людей“ запорожской старшины, Чернявскій, первый послѣ кошеваго и судья, „во всепнжайшей рабской покорности“ секретно сочинявшій записки объ уничтоженіи выборнаго начала въ войскѣ запорожскомъ, обычные выборы сохранялись тамъ до самаго уничтоженія Сѣчи, и кошевые атамапы выбирались безъ всякаго смертоубійства. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ послѣдніе 10 лѣтъ существованія Сѣчи, въ тяжелые годы борьбы за свое существованіе, постоянно выбирался тѣми-же „презѣльными пьяницами“, какими представлялись русскимъ офицерамъ всё запорожцы, все одинъ и тотъ-же Кошевой Петръ Калишиевскій, уже этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что, не смотря на видимую беспорядочность выборовъ, сознаніе собственныхъ дѣйствительныхъ „пользъ и нуждъ“ далеко не было чуждо всей той массѣ „сиромыхъ“, которая, составляя „славенное войско запорожское низовое“, распоряжалось выборами своихъ представителей.

Ал. Андр—скій.